

Варвара Жданова

О фильме «Иудушка Головлева» (1934, режиссер В. Гардин)

Критический этюд

Фильм В. Гардина - экранизация романа М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

В. Гардин – режиссер и исполнитель главной роли в фильме - явно проводит идейные параллели с современной советской действительностью.

Олицетворение всего дурного в советской социо-культурной реальности. Ханжество и бюрократизм в современной жизни. Жалкость и убогость созданных прожектов. Прожектерство Иудушки. А что если... Тогда – разбогатеем.

Иудушка уходит из дома и гибнет в метели. Гибель Иудушки – прощание с тенью дурного. Метель, буря, бесовство.

Лицемерие Иудушки. Якобы христианство, якобы – вера. Саморазрушительное лицемерие. Некогда остренькие зубки стерлись, старенький облезлый злой зверек, карликовый хищник в своей норке. Трагикомедия – жалкий Иудушка. Купец Дерунов издевается: «Был дворянин, да черт переменял».

Иудушка – мутное видение. Как Гоголь говорит об одном своем персонаже, плуте-чиновнике: «Небольшое подобие человека». Показать все дурное в фильме и попрощаться с дурным.

Нравственная нечистота, неопрятность Иудушки. Старается улестить Анниньку. Как бы, замарывает, пачкает окружающих.

Две умненькие красивые девушки – племянницы Иудушки, стали распутными актерками.

Тема глупой оперетки, предательства идеалов проходит через фильм. Пронзительно заявляет о себе в начале. Любинька размечталась о будущем, танцует.

Это – будто бы, метафора, авторы фильма, будто бы, говорят о себе и о современности: мы упустили что-то важное, протанцевали, и вот теперь – не вернешь...

Вероятно, что танец Любиньки, с его метафоризмом, отозвался в «Бесприданнице» Я. Протазанова (танец и пение Ларисы).

В какой-то момент идейно-художественная линия фильма перестает развиваться. Фильм оказывается больше ярким и образным провозглашением, заявкой чувств, чем социально-философским повествованием.

Иудушка гибнет, сломленный обвинением Анниньки. Сила обвинений Анниньки – явная натяжка.

Иудушка Головлев напоминает Плюшкина из «Мертвых душ». Создавая характер Иудушки, Гардин явно опирается на черты гоголевского Плюшкина, жалкого скрягу, смешного и страшноватого деспота дворовых и крестьян.

Обнищание крестьян – в фильме.

Иудушка – Аннинька: трагикомическое, пародийное переименование отношений Полоний – Офелия. При отсутствии центрального героя, обвиняющего резонера («А, тут крыса!» - говорит Гамлет о Полонии). Ситуация вырождения героев. Офелия – спившаяся опереточная актриса, Полоний – опустившийся сластолюбивый лицемер.

Приложение.

В. Жданова «Оккупация. Драматическая миниатюра»

Авторский комментарий.

В качестве приложения к небольшому критическому этюду о фильме «Иудушка Головлев» я публикую свою драматическую миниатюру «Оккупация». В иронически-гротескной сюрреалистичной атмосфере

драматической миниатюры центральный образ – король, оказавшийся директором балаганчика – напоминает Иудушку Головлева . Это – идеальный Иудушка, практичный и неглупый, без больших запросов и напрочь оставивший лицемерие. Он – заботливый и деспотичный хозяин, незаметно сосредоточивший в руках нити управления марионетками (это уже другая история).

Оккупация

Драматическая миниатюра

На сцене – король небольшого государства, подвергшегося атаке войска соседнего воинственного принца. По всему видать, король – благодушный, неунывающий и недалекий человек. Он сидит за пальцами, цветным шелком искусно вышивая салфетку. На столе – телефонный аппарат старинного образца. Первый министр.

Первый министр (наклоняясь к королю, тревожно и вкрадчиво): Ваше величество! Его войско – под городскими стенами. В нашей столице кончается продовольствие. Булочные закрываются.

Король: А кондитерские?

Первый министр: И кондитерские.

Король: Отдайте мой запас пряников. Всю коллекцию.

Звонит телефон. Первый министр хватается трубку. Слушает, чуть не падает в обморок.

Первый министр: Ваше величество, город взят. Он сейчас будет здесь!

На последних словах в комнату победительно входит принц-завоеватель. Он держится с неприятной надменностью и несколько скованно. Вычурный военный мундир чересчур перегружен аксельбантами. Ордена.

Принц: Ваше величество, столица завоевана, и вы больше – не король!

Король (вытирая салфеткой глаза): Что ж, я наймусь к вам имиджмейкером.

Внезапно меняется смысловой аспект, смену смыслового аспекта может символизировать смена освещения на сцене. Например, тени побежали по стенам. Предшествующая сцена оказывается только репетицией.

Король – слуге, играющему воинственного принца:

Ты переигрываешь. Он у тебя, как аршин проглотил. Все-таки, он не так туп и глуп.

Первый министр: Да он пока не собирается на нас нападать.

Король: Нет, надо эмоционально подготовиться. Такая злая скотина.

Внезапная смена смыслового аспекта. Тени побежали по стенам.

Предшествующая сцена оказывается репетицией в балаганчике.

Король, он же – директор балаганчика:

Мне кажется, в вашей пьесе нет социального контекста. Что это за сказки такие?

Первый министр, он же – актер балаганчика – автору пьесы, приглушенным шепотом:

Только, не грубите директору.

Автор пьесы, он же – принц-завоеватель и слуга:

Ну, не ставьте!

Директор балаганчика: Нет, мы ее поставим!

Музыка.

Хлопушки, бенгальские огни, фейерверк.

Конец действия.

Занавес.